

Ч. Вятринскій

Cheshikhin, Vasilii E.
“

ВЪ СОРОКОВЫХЪ ГОДАХЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОЧЕРКИ

И

ХАРАКТЕРИСТИКИ

*Дореформенное время. — Бѣлинскій. —
Грановскій. — Некандеръ. — Боткинъ. — Коль-
цовъ. — Гоголь. — Никитенко и Н. Аксаковъ. —
Кн. В. Одоевскій. — Щепкинъ.*

МОСКВА

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ А. Д. Карчагина,
Моховая, домъ № 9

1899

PG 3011

C 524

184872

МОСКВА.

Типо-литография Товарищества И. Н. Кушнерева и К^о,
Пименовская ул., соб. домъ.

1899.

Посвящается

Русскому Литературному Кругу

въ Ригѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Отъ автора.	VII
I. Въ дореформенное время	1
II. В. Г. Бѣлинскій	24
III. Профессоръ сороковыхъ годовъ	62
IV. Искандеръ	96
V. В. П. Боткинъ	129
VI. А. В. Кольцовъ	196
VII. Загадочная книга	221
VIII. Два русскихъ общественныхъ типа	264
IX. Человѣкъ трехъ поколѣній	293
X. Бѣлинскій о театрѣ	331
XI. М. С. Щепкинъ и его сценическая дѣятельность	358

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Страница.	Строка.	Напечатано:	Должно быть:
18	1 сверху	читавшій	читавшимъ
22	2 снизу	духѣ	духъ
27	1 „	послѣдствіи	впослѣдствіи
30	8 сверху	дойдетъ	дойдемъ
36	7 снизу	раздражать	раздражить
40	14 сверху	выше,	выше всего,
47	19—22 сверху	Философія открывала ему цѣлый міръ мысли, высо- кихъ духовныхъ наслажде- ній и указывала путь жиз- ни. „Весь безпредѣльный совмѣстно со Станкеви- чемъ, Боткинымъ и др., прекрасный Божій міръ...	Философія открывала ему. совмѣстно со Станкеви- чемъ, Боткинымъ и друг., цѣлый міръ мысли, высо- кихъ духовныхъ наслажде- ній и указывала путь жиз- ни. „Весь безпредѣльный прекрасный Божій міръ... какъ бы 151—152
59	9 снизу	какъ	151—152
87	4 „	129	неразуміемъ
115	20 сверху	неразуміемъ	Не много
116	7 снизу	Много	сальный
167	9 „	сильный	разныя
168	7 „	родныя	за пиръ
171	3 сверху	на пиръ	Гегеля
187	3 снизу	Гоголя	теперь, но лишь
209	14 сверху	теперь лишь	свято
214	7 снизу	шатко	толку“
220	19 сверху	толку	Anschauung
225	2 „	Anschauung	Lumpe
236	20 снизу	Lumpe	централлизованная
240	4—5 сверху	нейтрализованная	надломилъ
267	9 снизу	подломилъ	сего
268	19 „	его	Бернзвскою
270	7 сверху	Берновскою	рѣзкою
280	10 „	рѣзкою	плодиль
281	2 „	плодиль	проникаетъ
284	19 снизу	проникаетъ	общество
309	16 „	оно	права
321	13 сверху	правда	телеологически
332	12 снизу	теологически	можетъ
340	9 сверху	можетъ	яркими
345	6 снизу	ярками	последній
363	5 „	последній	не имѣтъ
364	5 „	имѣтъ	Соч. т. XII
365	17 „	Соч. 7. XII	большимъ
373	19 „	большимъ	искусственныя
379	2 сверху	искусственныхъ	

Упомянутое на стр. 55 „Приложеніе“ по независящимъ отъ автора причинамъ помѣщено быть не могло.

ОТЪ АВТОРА.

Статьи, собранныя въ предлагаемой читателямъ книгѣ и касающіяся важнѣйшихъ литературно-общественныхъ явленій сороковыхъ годовъ, первоначально печатались въ разныхъ журналахъ, а теперь являются въ свѣтъ съ кое-какими дополненіями и исправленіями, сколько то зависѣло отъ автора.

„Дни Бѣлинскаго“, чествованія и въ столицахъ, и въ провинціи памяти великаго критика, по случаю пятидесятилѣтія его кончины, безъ сомнѣнія, возобновили въ читателяхъ интересъ къ той эпохѣ, въ которой прошла его дѣятельность. Авторъ смѣетъ надѣяться, что данныя, собранныя въ настоящей книгѣ, будутъ не бесполезны для читателей, не имѣющихъ возможности обратиться къ документамъ и матеріаламъ, характеризующимъ эпоху, разсѣяннымъ во множествѣ изданій. Нѣкоторыя изъ статей, до появленія ихъ въ печати, были читаны авторомъ, какъ рефераты по поводу тѣхъ или другихъ юбилейныхъ событій, въ собраніяхъ Русскаго Литературнаго Клуба въ Ригѣ. Это обстоятельство и побуждаетъ автора посвятить настоящій сборникъ этому скромному учрежденію, содѣйствующему уже не мало времени, по мѣрѣ силъ и возможности, развитію и поддержанію въ провинціальномъ обществѣ идейныхъ интересовъ и любви къ родной литературѣ.

Г. Глазовъ, Вятской губ.
Декабрь, 1898 г.

I.

Въ дореформенное время.

Свѣжо преданіе...

Реформа 19-го февраля была началомъ ряда другихъ реформъ, естественныхъ слѣдствій этой первой и самой главной. Всѣ вмѣстѣ онѣ такъ измѣнили нѣкоторыя существеннѣйшія черты прежней русской жизни, что много въ ней, ранѣе рѣдко кого удивлявшее, представляется намъ уже какимъ-то тяжелымъ сномъ. Но въ этомъ прошломъ источникъ кое-какихъ отрицательныхъ сторонъ и современной жизни: отъ застарѣлыхъ общественныхъ привычекъ и отголосковъ крѣпостного права въ учрежденіяхъ отдѣлаться окончательно—не такъ-то легко, «переживанія» минувшаго вторгаются и въ нашу жизнь, *le mort saisit le vif...*

Черты дореформенной Россіи иными идеализируются. Поэтому полезно бываетъ иногда вспомнить, каковы онѣ были въ дѣйствительности. Въ бѣгломъ очеркѣ, конечно, трудно дать полную характеристику быта, во многихъ основахъ уже отчасти чуждаго намъ. Хорошо, если удастся остановить вниманіе на лету на самомъ главномъ, на наиболѣе рельефно рисующемъ крѣпостной строй. Задачу нашу облегчаетъ лишь то обстоятельство, что при этой характеристикѣ мы можемъ для иллюстраціи ссылаться на цѣлый рядъ литературныхъ свидѣтельствъ, каждому хорошо знакомыхъ еще со школьной скамьи.

Достигнувъ наибольшаго развитія при Екатеринѣ II, помѣщичья власть съ царствованія этой же государыни ограничивалась рядомъ законоположеній, имѣвшихъ въ виду облегчить явно бѣдственное состояніе крѣпостныхъ. Но сущность дѣла отъ этихъ ограниченій, въ родѣ запрещенія продажи людей на ярмаркахъ и семей въ розницу, не мѣнялась. Помѣщикъ могъ продавать и переуступать крестьянъ съ землею и безъ земли,

на выводъ; отдавать въ солдаты и ссылатъ на поселеніе; по усмотрѣнію сажать крестьянъ на барщину или облагать оброкомъ; брать въ дворъ для личныхъ услугъ и переводить изъ одного имѣнія въ другое; по усмотрѣнію наказывать ихъ за ослушаніе и проступки и рѣшать всѣ споры и тяжбы ихъ другъ съ другомъ; давать согласіе или не соглашаться на приобрѣтеніе крестьянами недвижимой собственности (земля записывалась на имя помѣщика) и на вступленіе ихъ въ бракъ. Помѣщикъ съ своей стороны отвѣчалъ только за исправную уплату податей, по числу ревизскихъ душъ, а за явно жестокое обращеніе съ крестьянами и за разорительное управленіе, препятствующее правильной уплатѣ податей, могъ попасть подъ опеку и судъ, но эти гарантіи были, конечно, слишкомъ ничтожны...

Такимъ образомъ, для помѣщиковъ-дворянъ крѣпостное право дѣйствительно было «правомъ»; для крестьянъ же оно было полнымъ безправіемъ, которое нерѣдко было невыносимо, тяжело даже при благожелательномъ и благоразумномъ пользованіи со стороны помѣщика своими правами, и со своимъ положеніемъ крестьяне никогда окончательно не мирились. Поэтъ дивился на «край родной долготерпѣнья». Но и долготерпѣніе были границы. Отъ особенно суровыхъ помѣщиковъ крестьяне бѣжали врозь и заселяли укрainы; съ иными изъ нихъ — расправлялись насиліемъ, какъ ни ужасны были наказанія за убійство помѣщиковъ. Мечта о волѣ и связанная съ нею типическая мужицкая мечта о вольной землѣ бродила въ умахъ крестьянъ неудержимо, и стоило кому-нибудь пустить вздорный слухъ, что помѣщики скрываютъ царскую волю, какъ волненія охватывали иногда уѣзды и цѣлыя губерніи въ разныхъ мѣстахъ одновременно. Грозная пугачевщина потому и увлекла добрую половину европейской Россіи, что воля и земля были обѣщаны Пугачевымъ народу.

Уничтоженіе зла въ корнѣ, т.-е. прекращеніе этой постоянной опасности народныхъ волненій освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и надѣленіемъ ихъ землею, долго представлялось правительству дѣломъ чрезвычайъ громаднымъ и сложнымъ. Крѣпостное право, казалось, такъ тѣсно срослось со всѣмъ государственнымъ строемъ, что уничтоженіе этого права, думали, повлечетъ крушеніе и всего остального. Этотъ взглядъ особенно усердно поддерживали, конечно, всѣ крѣпостники, и онъ настолько былъ распространенъ, что, напр., въ сороковыхъ годахъ министръ народнаго просвѣщенія графъ Уваровъ прямо заявлялъ, что законность крѣпостного права и самодержавія одинакова, что безъ помѣщичьей власти надъ крестьянами немыслимо и самодержавіе *). И этотъ

*) Н. Барсуковъ. Жизнь и труды М. Погодина, т. IX, стр. 306.

взглядъ, если никогда и не былъ принятъ высшимъ правительствомъ (въ царствованіе Николая I дѣйствовало, напр., семь комитетовъ, обсуждавшихъ крестьянскій вопросъ), но все-таки производилъ свое дѣйствіе, и еще въ 1842 году было, напр., заявлено съ высоты престола, что «всякій помыселъ» объ уничтоженіи крѣпостного права былъ бы лишь «преступнымъ посягательствомъ на общественное спокойствіе и благо государства» *).

И такъ, въ сороковыхъ годахъ оно стояло еще неизбежно, проникая собою всѣ стороны русской жизни. «Значеніе крѣпостного права въ русской жизни было универсально,—говоритъ историкъ его паденія:—это право обуславливало всѣ стороны быта, начиная отъ крупныхъ и кончая самыми мелкими. Оно было тормазомъ, рѣшительно препятствовавшимъ развитію Россіи. Прогрессъ общественныхъ учрежденій, накопленіе національнаго богатства, распространеніе въ массахъ просвѣщенія, усовершенствованіе семейныхъ отношеній, воспитанія, нравовъ, понятій, словомъ улучшеніе какой бы то ни было стороны общественной жизни не были возможны при немъ. Вотъ почему общественные порядки Россіи крѣпостного права осуждены были окаменѣть, существовать въ прежнемъ видѣ, не подвигаясь ни шагу впередъ. И ничто не въ силахъ было измѣнить этого положенія, пока крѣпостное право составляло основу нашей общественной и гражданской жизни; ибо это былъ гордіевъ узелъ, къ которому сходились всѣ язвы русской жизни» **).

Прослѣдимъ нѣсколько подробнѣе, какъ именно отражалось оно на главнѣйшихъ сторонахъ общественной жизни.

Начнемъ хоть съ права «отеческаго» наказанія, принадлежавшаго помѣщикамъ, потому что оно было фактомъ, наиболѣе бросающимся въ глаза по многочисленнымъ злоупотребленіямъ, которыя останавливали на себѣ серьезное вниманіе правительства и литературы и тогда, когда въ этихъ злоупотребленіяхъ видѣли лишь «злонравіе», по выраженію Фонъ-Визина, а не естественное слѣдствіе крѣпостной системы.

Не зачѣмъ указывать примѣры этихъ злоупотребленій, сохраненные исторіей и переходившіе границы самой жестокости. Извѣстны страшная Салтычиха, гладившая крѣпостныхъ дѣвушекъ горячими утюгами и т. п. и наказанная при Екатеринѣ II, или генералъ Измайловъ, прославившійся, въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, своими амурыными подвигами. Не въ этихъ чрезвычайныхъ случаяхъ былъ весь ужасъ, а въ томъ, что порядокъ вещей нимало не препятствовалъ ихъ возникновенію. Эта легкая возможность каждую минуту послать человѣка на ко-

*) В. И. Семевскій. Крестьянскій вопросъ въ Россіи. Спб. 1888, т. II, стр. 61.

**) Н. Иванюковъ. Паденіе крѣпостного права въ Россіи. Спб. 1882, стр. 1.

нюшню—мѣсто, гдѣ почему-то специально производилось сѣченіе, возможность дать безнаказанно зуботычину и т. д.—вся эта воля дворянскихъ рукъ, нитѣ знакомая намъ только по литературнымъ изображеніямъ,— вотъ что налагало особый отпечатокъ на дореформенный бытъ въ его ежедневномъ обыденномъ теченіи. Необычайная грубость нравовъ была слѣдствіемъ этой свободы личнаго насилія. Пока манифестъ 19-го февраля не возвѣстилъ уваженія къ личному достоинству человѣка, до тѣхъ поръ палка, розги, побои—составляли неотъемлемую особенность всего русскаго быта, и отъ нея до сихъ поръ мы отдѣлялись еще далеко не окончательно.

Извѣстный изслѣдователь народнаго быта Д. А. Ровинскій пишетъ о повальномъ битѣѣ на Руси, доселѣ не искоренившемся: «Не однихъ только ребятъ въ школахъ били, — господа потчивали свою крѣпостную прислугу «березовой лапшей съ ременнымъ масломъ», мужья били своихъ женъ для дѣтей, а дѣтей били для «людей»; мастера били учениковъ, хозяева—рабочихъ; сѣкли дворянъ, сѣкли фрейлинъ, били придворныхъ и все это по правилу, что за битого двухъ небитыхъ даютъ, такъ что при этомъ повальномъ битѣѣ въ родномъ языкѣ нашемъ выработалось особое свойство, по которому изъ каждаго существительнаго «боевой» глаголъ можно сдѣлать.—Ужь я-те *отстаканю*, говоритъ половой мальчику, уронившему стаканъ.—*Наегорьте-ка* Антошкѣ спину, говоритъ артельный староста.—Ну-тка *припонтійстимъ-ка* (отъ Понтійскаго Пилата!!) его, братцы, кричить артель на Волгѣ.—Встарину *учить* и *бить* значило одно и то же. Давно уже отмѣнено тѣлесное наказаніе,—говоритъ Ровинскій:—а боевой глаголъ все еще остался и не скоро, должно быть, выведется. Насъ тоже били, говоритъ иной, потому мы и въ люди вышли; какое безъ битья ученье,—безъ него ни отъ старого, ни отъ малаго настоящаго толку *не добьешься*. Ну, какъ не проучить разсѣяннаго ученика, не задать ему хорошей встрепки, головомойки или подзатыльника, не вспрыснуть лѣниваго, не отхлестать или не отстегать за испорченную вещь; воришкѣ надо выколотить охоту воровать уже болѣе дѣйствительными мѣрами: высѣчь, отпороть, отодрать,—въ военномъ быту и крѣпостномъ за такую провинность «шкуру съ ногъ до головы сдирали». Въ домашнемъ быту тоже долго разговаривать нечего, за дѣло такъ и поучить надо: за святые волосы, да за бороду, да за виски, да въ ухо, да въ рыло, да бока пощупать. Ну, а незваннаго гостя какъ тычкомъ не выпроводить, какъ не накласть ему киселю, да не накостылять шею; и на западѣ такого человѣка выгонять, а по-нашему, по-руски: если ужъ гнать, такъ его въ *три шеи*. Въ духовномъ вѣдомствѣ, кромѣ общепотребительныхъ боевыхъ терминовъ, есть еще свои спеціальныя: «благословить, вздрючить, припшандорить и взьефантулить. И

вся эта богатѣйшая терминологія повального битья, конечно, не исчерпана этими перечнемъ «боевыхъ» выраженій.

Жестокость нравовъ сильно поддерживалась тѣмъ, что тѣлесное наказаніе составляло необходимую часть всякаго уголовного наказанія. До 1845 года господствовалъ страшный кнутъ, замѣнявшій собою во многихъ случаяхъ смертную казнь, номинально уничтоженную въ числѣ уголовныхъ наказаній еще Елизаветою. Искусники палачи на «торговой казни» убивали жертву съ трехъ ударовъ и даже однимъ ударомъ кнута. Пережившихъ наказаніе кромѣ того клеймили, въ родѣ того, какъ это дѣлалось съ рабами - неграми въ Америкѣ. Въ 1845 г. была произведена реформа: кнутъ замѣнили трехвостною плетью, но ничто не могло вытравить позорной памяти кнута и до сихъ поръ: за границею, въ каррикатурахъ, кнутъ—неизбѣжный атрибутъ Россіи. Для флота существовали линьки и кошки, но верхъ ужаса были шпицрутены для арміи, нѣмецкое изобрѣтеніе, усовершенствованное Аракчеевымъ.

«Выстраивается тысяча бравыхъ русскихъ солдатъ въ двѣ шпалеры, лицомъ къ лицу,—разсказываетъ Ровинскій:—каждому дается въ руки хлыстъ-шпицрутенъ,—живая «зеленая улица», только безъ листьевъ весело движется и помахиваетъ въ воздухѣ. Выводятъ преступника, обнаженнаго до пояса и привязаннаго за руки къ двумъ ружейнымъ прикладамъ; впереди двое солдатъ, которые позволяютъ ему подвигаться впередъ только медленно, такъ, чтобы шпицрутенъ имѣлъ время оставить слѣдъ свой на «солдатской шкурѣ»; сзади вывозится на дровняхъ *проба*. Приговоръ прочтенъ; раздается злобѣщая трескотня барабановъ, разъ! два! и пошла хлестать зеленая улица справа и слѣва. Въ нѣсколько минутъ солдатское тѣло покрывается сзади и спереди широкими рубцами, краснѣетъ, багровѣетъ, летать кровяные брызги... «Братцы, пощадите!»... прорывается сквозь глухую трескотню барабана, но вѣдь щадить значить самому тутъ же быть пороту, и еще усерднѣе хлещетъ березовая улица. Скоро бока и спина представляютъ одну сплошную рану; мѣстами кожа сваливается клочьями, и медленно движется на прикладахъ живой мертвецъ, обвѣшанный мясными лоскутьями, безумно выкативъ оловянные глаза свои... Вотъ онъ свалился, а бить осталось еще много; живой трупъ кладутъ на дровни и снова возятъ взадъ и впередъ, промежъ шпалеръ, съ которыхъ сыплются удары шпицрутеневъ, и рубятъ кровавую кашу. Смолкли стоны, слышно только какое-то шлепанье, точно кто по грязи палкой шалить, да трещать злобѣщіе барабаны» *).

*) Цѣлый рядъ иллюстрацій собранъ у Гр. Джаншіева: „Эпоха великихъ реформъ“. М. 1896 г., стр. 161—162, 166 и др.

Всякій помнить подобные же ужасы, рассказанные Достоевскимъ въ «Мертвомъ Домѣ», но всё они были въ порядкѣ вещей, были неизбежны и, можетъ — быть, необходимы для устрашенія, пока существовало кровопостное право, всему дававшее свой безчеловѣчный тонъ.

Жестокость и развращающая публичность уголовныхъ наказаній, остатокъ болѣе страшныхъ казней Московской Руси, не были худшею стороною стараго суда. Мало того, что онъ былъ не милостивъ, — основанный цѣликомъ на сложномъ формальномъ бумажномъ вершеніи всѣхъ дѣлъ, онъ уже въ силу этого не могъ удовлетворять теперешнимъ требованіямъ суда скорого. Судомъ правымъ, онъ не могъ быть по той же причинѣ: слишкомъ широкій просторъ открывался подкупу и взяточничеству возможностью для судей, секретарей и приказныхъ такъ или иначе повернуть бумажное изображеніе дѣла. И наконецъ, это былъ судъ не равный, потому что для крестьянъ частью вовсе не существовалъ (всѣ иски крестьянъ между собою рѣшались помѣщикомъ, къ нему же никакихъ имущественныхъ претензій они предъявлять не могли), частью принципиально бралъ сторону знатнаго предъ незнатнымъ: напр., при двухъ противорѣчащихъ свидѣтельствахъ, по закону предпочтеніе отдавалось свидѣтельству знатнаго предъ незнатнымъ.

Дурная слава стараго суда съ его подкупностью, волокитою и проч. слишкомъ общеизвѣстна. Вспомните только ѣдкія басни Крылова, хоть это неподражаемое окончаніе одной изъ нихъ:

У Климыча судьи часишки воръ стянулъ,
А тотъ кричитъ на вора караулъ!

Всякій помнить, какъ судился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ; каждому памятенъ Ляпкинъ-Тяпкинъ, наивно восторгающійся тѣмъ, что можетъ травить во все свое удовольствіе зайцевъ на земляхъ и истца, и отвѣтника; открытый грабежъ представленъ въ знакомой многимъ комедіи Сухово-Кобылина: «Дѣло», и т. д.

Не останавливаясь на характеристикѣ самыхъ судебныхъ учреждений — судовъ полицейскихъ и уѣздныхъ, гражданскихъ и уголовныхъ палатъ и стараго сената, я позволю себѣ указать на малоизвѣстныя сцены И. С. Аксакова, ярко изображающія присутственный день уголовной палаты и между прочимъ — со стороны двойственныхъ отношеній суда къ помѣщикамъ и крестьянамъ.

Аксаковъ въ молодые годы свои изучилъ старый судъ вдоль и поперекъ и по личному опыту могъ писать, напримѣръ, въ 1884 г., когда раздавались голоса противъ судебныхъ уставовъ 1864 г.: «Старый судъ!... При одномъ воспоминаніи о немъ волосы встаютъ дыбомъ, морозъ деретъ

по кожѣ... Это было воистину мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ. Предъ нами невольно встають воспоминанія одно возмутительнѣ другого*). И не наиболѣе вопіющіе примѣры судебной неправды, вызывавшіе время отъ времени суровыя кары правительства, должны оставаться наше вниманіе. Гораздо вреднѣе, пагубнѣе по своему разлагающему вліянію были тѣ «грѣшки», которые, составляя неотъемлемую принадлежность дореформеннаго суда, уже никого не удивляли, такъ что требовалось не малое напряженіе ума и нравственнаго чувства, чтобы признать ихъ чѣмъ-то неестественнымъ или предосудительнымъ. Судъ всегда бралъ сторону помѣщика противъ крестьянъ такъ же добродушно, просто и естественно, какъ составлялъ и мѣнялъ приговоры по желанію администраціи и бралъ взятки съ просителей.

Въ сценахъ, изображенныхъ Аксаковымъ, мы встрѣчаемъ подлинное дѣло саратовскаго помѣщика, который обвиняется въ томъ, что высѣкъ своими людьми гувернантку, приставленную имъ къ его же дѣтямъ, да еще вымазалъ ее купороснымъ масломъ, въ томъ, что засѣкъ чуть не до смерти крестьянина, и въ продажѣ фальшивыхъ рекрутскихъ квитанцій. Обвиняемый уже познакомился со своими будущими судьями, съ предсѣдателемъ уголовной палаты игралъ наканунѣ въ картишки у губернатора и уже успѣлъ завоевать симпатіи. Засѣдатели палаты отъ дворянства уже смущены тѣмъ, что дѣло касается явно помѣщичьей власти, поддерживать которую въ видахъ правительства. «Мудреное дѣло, господа, — говоритъ одинъ:—по моему мнѣнію, ну, коли воръ, знаете, эдакій, явный, разбойникъ, убійца, коли тамъ какой... ну, такого суди! А это, что около казны кто поживился, да тамъ эдакъ съ бабой повздорилъ... тутъ, ей Богу, и судить нечего! Я бы всѣ такія дѣла домашнимъ порядкомъ кончалъ, по-отечески, ей Богу!» — «Да человѣкъ-то онъ, кажется, хорошій!»—говоритъ и предсѣдатель:—ну, какъ я его обвиню? Совѣстно какъ-то!» Наводятъ справки о свидѣтеляхъ. Противъ помѣщика рядъ свидѣтельствъ вѣрностныхъ его людей, но свидѣтельствъ, явно и намѣренно запутанныхъ и разнорѣчивыхъ.—«Какъ же это мы, такъ и станемъ про барина холопу вѣрить?»—сомнѣваются судьи и обрадованы тѣмъ, что на сторонѣ помѣщика имѣется свидѣтелемъ дѣйствительный статскій совѣтникъ.—«Одинъ свидѣтель, да хорошъ. Генералъ! Генералъ врать не станетъ, и коли совреть, значитъ, ужъ должно было такъ соврать, не даромъ!... Что-жъ, мы и генералу не станемъ вѣрить?... Вѣдь, генералъ двухъ свидѣтелей стоить!»—Сверхъ того на «повальномъ обыскѣ» и окрестные дворяне показали, что обвиняемый «ведетъ себя какъ при-

*) И. С. Аксаковъ въ его письмахъ, томъ II, стр. 1.

**) И. С. Аксаковъ, т. III. Приложение, стр. 51 и слѣд.